

**ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ:
ПАТРИОТИЗМ, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА**

**К X Международной научной конференции
Институт философии РАН – НИУ «БелГУ»,
8-10 октября 2013 г.**

УДК 130.2

**ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ НАСИЛИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО
САМОСОЗНАНИЯ: ДОМИНИРУЮЩИЕ СМЫСЛЫ И НЕЯВНЫЕ КОННОТАЦИИ**

С.Н. БОРИСОВ*Белгородский государственный
институт искусств и культуры**e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблема определения насилия в современном российском самосознании. Предпринята попытка экспликации доминирующих смыслов насилия в их соотносительности с русской философской традицией, зарубежной философией, а также историческим контекстом.

Ключевые слова: насилие, агрессия, самосознание, философия.

Насилие является одним из самых навязчивых и парадоксальных феноменов человеческого существования. Оно сопровождает человечество с момента его появления по сей день, принимая различные обличья: от архаического набега и жертвоприношения до современных иррегулярных войн и террористических актов. Только XX столетие вместило в себя две мировые войны, грандиозные экономические катаклизмы, установление тоталитарных режимов, радикализировавших насилие политико-идеологическое и биополитическое, что повлекло за собой кризис идеологий «демократического модерна» (А. Панарин) и «реального социализма» – прогресса, рациональности и гуманизма. Разрушение религиозных устоев, нравственных норм и ценностей, обострение социальных противоречий в мире «традиционных культур» под давлением «развитых стран» вольно или невольно провоцировало терроризм как ответ проекту модерна. Постмодернистская глобализация XXI века наряду с политико-идеологическим терроризмом актуализировала и нетривиальные формы насилия – информационного, символического и т.п.

Философская рефлексия разнообразия проявлений насилия по большей части носила контекстный характер. Как правило, она не была самостоятельной и находилась на периферии осмысления государства и права, власти и господства, революции и политики, войны и террора, свободы и справедливости, добра и зла, и, наконец, коммуникации и дискурса. При этом совсем не случайно в проблематизации насилия отсутствует человек, поскольку он чаще всего оставался «за кадром». Фокус философской мысли большей частью смещался в сторону более «крупных» социальных и политических объектов или размывался до абстрактной нормативной этики. Центрация на человеке как раз и состав-

ляет некоторым образом сверхзадачу, состоящую в исключении абстрактного рассмотрения и обращении к «живому человеку», взятому в его непосредственной конкретной историчности. При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что философско-антропологическая и философско-культурологическая аналитика насилия неизбежно будет связана не просто с рефлексией, но также с метарефлексией, заключающейся в обращении к философскому (и не только) дискурсу в его исторической динамике в понимании насилия. Надежда пробиться к человеку сквозь толщу «гранд нарративов» и исторических эксцессов и сообщает проблемную энергию нашему исследованию.

Мы остановимся, прежде всего, на наиболее репрезентативных и типичных трактовках, представленных в наиболее значимых научных публикациях авторов последнего столетия, т.е. с тех трактовок насилия, которые располагаются в зоне между «на виду» и «на слуху» (на них можно «указать» – сугубо в античном понимании созерцания), в наиболее близких по времени текстах, написанных в основном в последние десятилетия. Мы будем говорить не только о «значениях» и «смыслах», но и о «коннотациях»¹, понимаемая под ними *эмоционально-экспрессивные*, оценочные, а порой маргинальные, *окраинные и неявные смыслы* терминов, концептов и понятий, помогающие нам уловить в сложных контекстах некоторые *оттенки и извивы* на пути мышления и философско-категориальных интуиций. Это же должно относиться и к практике прочтения и интерпретации научных и философских текстов.

Не только в отечественном, но и в западном публичном (и научном!) дискурсе *проблемное поле насилия* нагружено, прежде всего, *политическими смыслами*. Достаточно долгая традиция в нашей стране была связана, конечно же, с политической *апологией революционного насилия* как «двигателя истории» и как некоего «коллективного действия». Вот как определял насилие Е.Г. Плимак, не самый одиозный советский мыслитель-марксист: «Насилие – применение тем или иным классом (социальной группой) различных, вплоть до вооруженного воздействия, *форм принуждения* (выделено нами – авт.) в отношении других классов (социальных групп) с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий. Основные средства насилия материализуются в государстве»². Здесь очевидным образом простейший анализ показывает связь смыслов «насилия» с такими концептами как «принуждение» («групповое принуждение»), «господство» («политическое господство»), «права», «привилегии», «государство как основное средство насилия». Мы увидим далее, как эти смыслы почти не меняются в различных контекстах, что указывает не столько на их репрезентативность и категориальную соотнесенность с насилием, сколько на некоторые *устойчивые стереотипы*, имеющие основания и в научном, и ментально-публичном контекстах.

Ситуация несколько меняется в постсоветское время. Для этого достаточно взглянуть на материалы конференций, основные публикации по проблеме в журнале «Вопросы философии» и соответствующие словарно-энциклопедические статьи 1990-х – 2000-х гг. Начнем с журнальных статей.

В этом плане симптоматичной выглядит подборка публикаций «Этология агрессивности и этика ненасилия» в журнале «Вопросы философии» за март 1992 г., явно вписанная в актуальный политический контекст, когда постсоветская Россия еще не отошла от эйфории своей первой «цветной революции» августа 1991 г. в пределах Садового кольца и «Белого дома», применившей окрашенные в «нравственный» цвет российского триколора «ненасильственные практики» свержения правящего политического режима КПСС, и еще не вошла в стресс от грубого насилия политического режима, подавившего без излишней сентиментальности противников «новорусского капитализма» на том же месте в октябре 2003 г. Материалы книг К. Лоренца, статьи М.К. Ганди и М.Л. Кинга,

¹ См.: Кропотова Л.В. Многоаспектность лексической коннотации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 12. – №3(3). – Самара, 2010. – С. 766-772; Горных А.А., Дисько М.Р. Коннотация // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – С. 372-373.

² Плимак Е.Г. Насилие // Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф.В. Константинов. В 5 томах. – Т. 3. – М., 1970. – С. 551.

А.А. Гусейнова³ и А.П. Назаретяна⁴. К их идеям и работам мы обратимся ниже, но нам хотелось бы упомянуть и статью польского философа А. Гжегорчика⁵, которая наиболее полно отражала *политический контекст* всей подборки.

А. Гжегорчик, известный советским профессионалам больше как логик, начинает, разумеется, с определений: «Насилием я называю принуждение людей к принятию определенных условий или к какому-то поведению с помощью (чаще всего воображаемого) *разрушения их биологической или психической жизни* (выделено нами – авт.) либо с помощью угрозы такого разрушения. Как это часто бывает в случае такого рода общих проблем, определение имеет отчасти условный характер»⁶. Здесь мы видим опять «*принуждение*», но оно уже сопряжено с более онтологичным концептом «*жизнь*», определяется как «*разрушительное*» (*деструктивное*) и рассматривается на антропологическом уровне. В последнем плане идет перечисление насильственных «разрушительных действий» вплоть до убийства противника. Интересны и другие определения автора: «Разрушение жизни является безусловно уменьшением степени свободы действия. Таким образом, то, что не уменьшает свободы действия, не является фактором, разрушающим жизнь, не принадлежит к насильственным действиям и может быть причислено к ненасильственным действиям»⁷. Здесь он соотносит «насилие» с такой традиционной философской категорией как «*свобода*», что весьма плодотворно для нашей дальнейшей концептуализации.

Но далее А. Гжегорчик *противопоставляет* насилие (надо полагать с целью дальнейшей категоризации введенного через определение понятия): «Цель нашего анализа – этические основы ненасильственных действий. Неприменение средств, уничтожающих противника, может иметь различный характер в зависимости от намерений действующего лица... Ненасильственные действия – это последовательное в этическом отношении поведение, направляемое отчетливым моральным идеалом, основанным на уважении и любви к противнику»⁸. Вроде бы налицо та этическая категоризация оппозиции «насилие – ненасилие», которую мы обнаруживаем и в интересной статье А.А. Гусейнова, выдвинувшего достаточно смелый тезис о том, что «насилие органично человеческой природе»⁹, что заставляло задуматься об онтологических основаниях насилия.

Но формальный логик А. Гжегорчик совершенно не интересуется логикой содержательной, когда между приведенными абзацами пишет совершенно противоположное: «Неприменение средств, уничтожающих противника, может иметь различный характер в зависимости от намерений действующего лица. Оно может быть лишь частью тактики, конечной целью которой является уничтожение противника. Однако многие лица, избирающие ненасильственные действия правилом своего поведения, делают это не по тактическим, а по принципиальным этическим соображениям. Именно они получают интересные результаты»¹⁰. Как «неприменение средств, уничтожающих противника» может быть включено в некую тактику, имеющую целью «уничтожение противника»? И еще: «Сравнение же ненасильственной борьбы с другими видами борьбы показывает ее несомненное преимущество, связанное с тем, что в случае других видов борьбы зачастую погибает или страдает очень много людей, которые или вообще не участвовали в конфликте, или же были в него втянуты вопреки своей воли, в то время как жертвами ненасильственной борьбы являются, как правило, только те, кто сам хочет быть ее жертвой. И по-

³ См.: Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 5-38; Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Там же. – С. 39-53; Ганди М.К. Моя вера в ненасилие // Там же. – С. 65-66; Кинг М.Л. Любите врагов ваших // Там же. – С. 66-71; Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Там же. – 1992. – №3. – С. 72-81.

⁴ Назаретян А.П. Историческая эволюция морали: прогресс или регресс // Там же. – С. 82-94.

⁵ Гжегорчик А. Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 54-64.

⁶ Там же. С. 54.

⁷ Там же. С. 56.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 76.

¹⁰ Гжегорчик А. Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 55.

этому количество жертв в случае ненасильственной борьбы значительно меньше»¹¹. Но если есть «жертвы», значит перед нами именно «насилие», как «непереживаемое разрушение». Так что это – «насилие» или «ненасилие»? Где же любимый всеми логиками «закон исключенного третьего»? Здесь налицо и старая дилемма «средства – цели» («тактика» – «этика»), постоянно всплывающая в процессе интерпретации насилия.

Явное формально-логическое противоречие находит свое «содержательное» снятие в контексте статьи, которая с позиций «этики ненасилия» фактически реализует апологию «цветной революции», успешно примененную «Солидарностью» в Польше 80-х годов прошлого века. Можно согласиться с автором в определении некоторых *форм «принуждения»* (например, «допустимый нажим»), как *ненасильственных*, не несущих деструкции, но есть вещи, в которых он произвольно, прямо по Фрейду, признается, проговариваясь: «Подлинные человеческие намерения всегда обнаруживаются в различных деталях поведения. Поэтому, если кто-то совершает ненасильственные действия, а одновременно относится к ним лишь как к определенной *технике политической борьбы* (выделено нами – авт.), не уважая, например, своего противника, то тогда *отсутствие хороших намерений* («плохие» мальчики и «хорошие», применяющие «техники политической борьбы»?!) – авт.) обычно находит свое проявление в деятельности и меняет ее ход»¹². Но где та грань, которая отделяет «хорошие намерения» от «плохих», «любовь к ближнему» от «манипуляции другим», политтехнологии от «засвидетельствования ценности»? Ненасильственное действие от политической провокации, вызывающей насилие как ответ «на/силу»? Разве мы их мало наблюдали в деятельности той же польской «Солидарности» или в «цветных революциях»?

Поэтому автор и далее проговаривается: «Можно сказать, что засвидетельствование ценности является основным видом нажима, применяемого ненасильственными деятелями. Для засвидетельствования ценности деятели ненасилия зачастую готовы преодолевать (в том числе и с *помощью силы**) барьеры ограничений, которые изолируют друг от друга тех, которые должны вступить в контакт на основе определенных ценностей»¹³. Так давайте придерживаться строго логических определений: «нена/силие» – это «сила» или «не/сила»?

Мы подвергли критике ведущего математического логика современности не для того, чтобы «уличить» его в каких-то политических бессознательных рационализациях (они, увы, часто присутствуют и в этических доктринах насилия и ненасилия), а для того, чтобы показать всю противоречивость и неустойчивость, абстрактность определения концепта «насилие» через «ненасилие» (концепт, еще более нагруженный метафорами, экзистенциальными и политико-идеологическими смыслами¹⁴), что чревато выходом за пределы научных и философских рационализаций, а не только опасностью «морализаторства».

В этом плане показательно, что и концепция насилия, развиваемая в духе «этики ненасилия» А.А. Гусейновым и соответствующим кругом авторов, также содержит определенные формально-логические и содержательные противоречия. Он совершенно справедливо связывает «ненасилие» с «силой», отличая их: «*Насилие есть разрушительная сила* (выделено нами – авт.), точнее было бы даже сказать: саморазрушительная, ибо в своем последовательном осуществлении как *абсолютное зло* (выделено нами, здесь моральная категория, содержащая столько смыслов и коннотаций, что сама требует прояснения – авт.) оно оборачивается против самого себя. Сила является неотъемлемым и фундаментальным свойством как витального, так и социального бытия человека (только ли человеку она присуща в плане витальности? – авт.): в витальном плане можно сослаться на агрессивность как средство выживания, инстинктивную реакцию самооборо-

¹¹ Гжегорчик А. Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии. – 1992. – №3. С. 55.

¹² Там же. С. 60.

* Выделено нами – авт.

¹³ Там же. С. 62.

¹⁴ О проблеме экзистенциальных смыслов тех или иных концептов подробнее см.: Мельник, Ю.М., Римский, В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 24-36.

ны, естественный ответ на оскорбление достоинства, в социальном плане – на политику, которая, собственно говоря, и есть не что иное, как осуществляемое в определенных общественных целях эффективное применение силы. Занимая столь важное место в жизненном процессе, сила не может иметь только разрушительную форму своего выражения. Более того, эта форма не может быть преобладающей. Ненасилие как раз и является позитивным, *конструктивным выражением силы* (выделено нами – авт.); оно тоже есть сила, притом более сильная, чем насилие»¹⁵. Итак, «ненасилие» – это «позитивная, конструктивная сила», а «насилие» – «разрушительная и саморазрушительная сила». Вот, например, насилие в семье, которое может и не оборачиваться «смертью» и даже «побоями», как наказание ремнем, а только «психологическим принуждением», оно – «конструктивная сила» или «насилие»?

Случайно ли выше автор пишет: «Ненасильственное движение имеет своих активистов, лидеров, однако один из важнейших признаков, по которому руководители выделяются среди остальных участников борьбы, состоит в том, что они в первую очередь и охотно принимают на себя возможные и, как правило, *неизбежные репрессии* (выделено нами – авт.)»¹⁶. У нас что, есть «нравственные» и «безнравственные» репрессии? Сталинские репрессии «плохие», а ельцинские «хорошие»? Или наоборот? В зависимости от политических позиций оценивающего сознания или «сильных людей» (Гусейнов)? Или есть некий трансцендентный нравственный субъект, который дает непогрешимые оценки «силе» в «ненасилии»?

Очевидно, что трансцендентным оказывается не некий субъект, а сама «сила» и «на/силие» как ее ипостась (и вместе с ними «ненасилие»), выходящие *вовне*, за пределы нравственных оценок. Куда? В политику? В социальную практику (прагматику)? В витальность? К Богу?

Здесь становится очевидным, что вся либеральная критика концепции И.А. Ильина «сопротивления злу силою» теряет свою «силу» *принуждающих аргументов*, по выражению Аристотеля, а нам, наверное, стоит более беспристрастно подойти к ильинским *философским* аргументам, в том числе и выдвинутым против толстовского «непротивления» (о чем ниже).

Свои идеи А.А. Гусейнов развивает и в докладе на XIX Всемирном философском конгрессе, в котором, давая определение насилию, выделяет *два подхода – абсолютистский и прагматический*. А.А. Гусейнов вполне четко говорит о слабостях первого подхода (абсолютистского), который, на наш взгляд, и является «этическим»: «Согласно первому, понятие насилия несет четко выраженную негативную оценочную нагрузку, которую, впрочем, это слово имеет уже в естественном языке; оно, кроме того, употребляется в очень широком значении, включающем все формы физического, психологического, экономического подавления и соответствующих им *душевных качеств*, как ложь, ненависть, лицемерие и т.д. (выделено нами – авт.). Насилие, по сути дела, прямо отождествляется (во всех его многообразных проявлениях) со *злом вообще* (выделено нами – авт.). При таком подходе возникают, как минимум, две трудности: во-первых, снимается проблема оправдания насилия, возможности его конструктивного использования; само понятие как бы предрешает проблему, с самого начала содержит в себе ответ на вопрос, который подлежит обсуждению. Во-вторых, отрицание насилия выглядит как сугубо моральная программа, вступающая в непримиримую конфронтацию с реальной жизнью»¹⁷. Здесь можно согласиться с автором, если бы он далее все же не сбивался, соотнося концепты «насилие» и «ненасилие» во всю ту же этическую доктрину. И с чем нельзя согласиться категорически, так это с утверждением о том, что даже в естественном языке понятие насилия несет в себе «четко выраженную негативную оценочную нагрузку».

Да, таковая есть, но ею языковые смыслы не исчерпываются – в живых языках все сложнее. Обратимся для начала к нашему языку. В «Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля» мы найдем понимание таких терминов, как «насилить», «насиловать», «насилывать», которые предполагают следующие смыслы: сило-

¹⁵ Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 79.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. – 1994. – №6. – С. 35.

вать, принуждать, нудить к чему-либо силой, неволять. Есть и термины «насилие» и «насильство»: *принужденье, неволя, нужда силованье, действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное*. И еще: *самоуправство, жизнь под гнетом, управлять или держать в подчинении силою* (насильством)¹⁸. Мы выделили те смыслы, которые уже изначально в себе содержат некие *интуитивные философские коннотации*. Во-первых, очевидно, что негативные оценки здесь не являются единственными («обидное действие» и т.п.). Во-вторых, остается смысл «принуждения» и «не/свободы» (неволи); в-третьих, появляется связь с *повседневной обидой* и «стеснением», «*незаконностью*» и «*господством*» (жизнь под гнетом), и, наконец, с прагматичным *управлением*. Как видим, «великий и могучий» как «дом бытия» (Хайдеггер) содержит множество смыслов и коннотаций, имеющих для нашей дальнейшей категоризации большое значение.

Аналогичную работу проделал и Х. Хофмайстер в своей новой книге «Воля к войне, или Бессилие политики» на материале «великого и философского» германского языка. Он пишет, отмечая связь насилия с «силой», которая «действует как насилие лишь при определенных условиях»: «Немецкое слово «насилие» (Gewalt), которое производно от индогерманского корня *val* – «быть сильным», подразумевает «обладание способностью распоряжаться». Первоначально, т.е. в древнегерманском языке, слово «насилие» не являлось правовым термином: оно использовалось в той области свободы, где не было места праву. Позднее «насилие» служило для перевода таких латинских понятий, как *violentia* (буйство, безудержность), *vis* (сила, мощь) и *potestas* (сила, потенциал, господство). Поскольку в Средние века слово *potestas* чаще всего переводилось немецким словом «власть», «насилие» получило усилительное значение *violentia*¹⁹. Здесь появляются несколько отличные от русских смыслы: *мощь* (хотя мощь у нас также имеет значение и *силы* (могучий) и мочи как *возможности*) и, главное, *потенциал*. Последнее очень важно, так как ниже мы покажем, что именно из этой категориальной точки *потенци*, *возможности* начинается путь и силы, и насилия в *действительность* и реальность человеческого бытия. Опять же очевидно, что в германском языке еще меньше «негативных оценок» соприкасающихся со смыслами мощи и силы как *позитивной жизненной ценности*.

Не все так просто и в том «прагматическом подходе» к насилию, о котором писал А.А. Гусейнов. Этот прагматический подход автор одобряет и отмечает, что в отличие от первого он позволяет ставить вопрос об оправданности насилия, возможности и законности его применения, соглашаясь с отсутствием или шаткостью критериев для таких морально апологетических оценок и решений. Поэтому А.А. Гусейнов, как и другие сторонники этической концепции насилия, переходит к категории *ненасилия* как более аксиологичной и философски предпочтительной – *метакатегории*, хотя в конце статьи и делает вывод о том, что «насилие имеет невытравимо глубокие корни в историческом и психологическом опыте, в самой онтологии человека»²⁰. Но в любом случае данная позиция определения «насилия» через «ненасилие» при всех отсылках в *онтологию человека* (в том числе и в контексте его свободы) не выходит за пределы той распространенной точки зрения, согласно которой насилие оправданно в целях предотвращения еще большего насилия, на что указывал в свое время еще И.А. Ильин.

Но тут возникает ситуация, связанная и с логикой концепта, и с практическим бытием феномена насилия, когда в контексте его *упреждения*, обоснования и апологетики всякая «дозволенность» *любого* насилия ставится под сомнение, так как мы всегда и неизбежно будем возвращаться к необходимости вести речь о «большем» или «меньшем» насилии, которое невозможно измерить, о «субъекте оценки», «аксиологической шкале» и т.п.

¹⁸ Насилие // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное издание, под ред. проф. Бодуэна-де-Куртенэ. Том второй. И–О. – СПб. – М.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1905. – С. 1218.

¹⁹ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. – СПб, 2006. – С. 31-32.

²⁰ Там же. С. 41.

Вышеизложенный подход в определении насилия, на наш взгляд, выводит нас не столько в сферу апологии и нравственной оценки, сколько ставит также совершенно прагматичный вопрос о *дозволенности*, то есть *легитимности насилия*. Традиция, берущая свое начало в идеях Макиавелли и вслед за К. Марксом и Е. Дюрингом трактующая насилие как социально-политический феномен, утверждает *монопольное право государства на насилие*. Только государство, по мнению М. Вебера, обладает правом на использование легитимного насилия для выполнения функции утверждения *порядка* на своей территории²¹. Государство обладает *законным правом* на насилие для обеспечения безопасности социальных институтов, и этим правом государство наделило общество для того, чтобы каждый мог реализовать свои «материальные интересы»²², как считает Р. Даль. Сторонники представленного подхода ставят легитимность в зависимость от выполнения государством определенных функций, будь то обеспечение «материальных интересов», безопасности, свободы, в более широком смысле – возможности реализации потребностей каждого. И в этом случае оппозицией законному насилию государства становится *нелегитимное насилие* – терроризм. Однако если государство не обеспечивает эти потребности или злоупотребляет властью, то государство и власть делегитимизируются. Народ имеет право на свержение тирана, как уже незаконной власти. Пограничное состояние, когда легитимное насилие становится нелегитимным, неизбежно порождает *экстремизм* и *терроризм* как радикальные, *абсолютно разрушительные* формы насилия.

Отсутствие критерия в оценке допустимости насилия в вышеизложенном «прагматическом подходе» определяет *относительность легитимного насилия* в современном (и не только!) обществе. Ценностно-нейтральный подход сводит насилие к *актам* насилия (грабежам, убийствам и т.п.), но не определяет *универсального критерия дозволенности* его применения. Право на применение насилия априорно закрепляется за государством до тех пор, пока оно сдерживает «войну всех против всех», а, например, терроризм или революция, ему противостоящие (нелегитимное насилие), объявляются преступными. Но в ситуации противостояния двух государств, когда каждое обладает правом на легитимное использование насилия, определить нелегитимное насилие подчас довольно сложно, а то и вовсе невозможно. Таким образом, привязка *права на власть*, осуществление насилия, принуждения к обеспечению потребностей каждого отдельного человека, да и всего общества в целом, также привносят в проблему легитимности насилия момент субъективности, относительности.

Так называемый «абсолютистский подход» в определении насилия, фиксирующий за этим понятием «зло» во всех его проявлениях, по мнению А.А. Гусейнова, снимает вопрос о конструктивном использовании насилия в самом определении. В контексте такого понятия нет разницы между насилием легитимным и нелегитимным (террором и экстремизмом), так как насилие – есть зло, и легитимного насилия не существует.

Б.Г. Капустин, критикуя, по этому поводу писал: «С позиции *теоретической этики* А.А. Гусейнов определяет насилие как «узурпацию свободной воли»... Проблемы с этими суждениями состоят в следующем. Чтобы была возможность узурпировать свободную волю, она должна, во-первых, сложиться, во-вторых, быть как действительно свободная. Оставим в стороне вопрос о формировании способности иметь свободную волю, которое в аспектах онто- и филогенеза может быть лишь принуждением (хотя бы «пастырским»). Обратим внимание на реализацию свободной воли, которая есть «самозаконодательство». Давать закон себе означает как минимум определить, кто есть «я» или «мы». Такое определение есть отграничение «себя» или «нас» от других, кому этот закон не дается. Самоопределяясь, мы устанавливаем «иных себе»»²³.

Соглашаясь с автором в целом, возьмем на заметку маленькую коннотацию: говоря о свободе в ее соотношении с насилием, надо отдавать себе отчет, что категориально «свобода» и «свобода воли», как и «свободная воля» (хотя с точки зрения русского языка это тавтология – для нас на уровне обыденности «свобода» и «воля» пока одно и то же!) далеко не одно и то же.

²¹ Weber M. The Theory of Social and Economical Organization. – N.Y., 1947. – P. 154.

²² Dahl R. Modern Political Analysis. – Englewood Cliffs, 1963. – P. 108-110.

²³ Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М., 2010. – С. 45.

И далее автор задает вопросы, совпадающие, по сути, с поставленными выше нами: «Кто и по какому праву проводит эту границу? Думать ли, что она «самоочевидна» для всех и является продуктом столь же свободного «самозаконодательства» «иных», как «нашего» «самозаконодательства»? ... Какое политическое значение имеет эта граница?»²⁴. Он вообще отвергает возможность определения «насилия» через соотнесение с «ненасилием»: ««Ненасилие» может выглядеть содержательным определением добра и быть «синонимом этики» лишь в рамках самой теоретической этики, своеобразии предмета которой и определяется абстрагированием от тех условий действительности свободной воли, о которых мы только что рассуждали. Если принять их во внимание, то ненасилие предстанет специфическим моментом и формой насилия (возможно, очень желанной в определенных обстоятельствах), но никак не равновесной и парной ему категорией... Ненасилие как политическое понятие не может быть синонимом непротивления»²⁵. Как видим, с точки зрения политической философии этическая доктрина насилия также оказывается уязвима.

А так ли неуязвима сама философско-политическая доктрина насилия? Б.Г. Капустин критически рассматривает и различные версии определения насилия в политической философии²⁶. Мы просто перечислим основные позиции, оставляя полемические аргументы Б.Г. Капустина, определяющие их «уязвимость», в контексте: отождествление насилия с «нежелательным физическим воздействием» или его связь с неудовлетворенностью «фундаментальных потребностей»; насилие определяется «в качестве *любой* силы, примененной к индивиду или группе и вынуждающей их соглашаться или действовать вопреки воле этого индивида или группы»; совершенно бессодержательные «морализаторские» определения, напрямую связывающие насилие с «нарушением морали», по преимуществу религиозной (христианской, разумеется); культурфилософское и социологическое понимание насилия как «явления определенных культур, уже в силу этого несущее на себе отпечаток присущих им символов, правил, кодов коммуникации и т.д.». Действительно, все эти позиции ограничены в своем понимании и интерпретации насилия, его «границ». Но какого рода это «границы»? Эпистемологические, формально-логические, содержательно-исторические, мировоззренческие?

Совместно с А.В. Римским нами уже была предпринята попытка построения такой *родо-видовой логической иерархии* применительно к разграничению «экстремизма» и «терроризма», понятий, постоянно наплывающих друг на друга, через их соотнесение с более «родовым» концептом «насилия»²⁷. Мы отмечали, что очевидна «родовая первичность» экстремизма по отношению к терроризму, но концепт «насилия» является «родовым» и более «метафизичным», так как выводит рассмотрение экстремизма в онтологическую глубину соотношения свободы и насилия, свободы человека и тотальности насилия культуры и ее отчужденных форм. В тот момент мы придерживались той точки зрения, что насилие (в широком смысле) – всегда лишение объекта и субъекта (субъекта как объекта) формы или ее нарушение, де-формация во всех ее вариантах. В узком смысле насилие – явление нарушения сложившейся формы субъекта, которое расценивается им как *принуждение*, которое и признается насилием. Здесь очевидно, что мы также оказались в затруднении, постулируя определение насилия «в широком смысле» и «узком смысле», так как исключенным оказалось еще более родовое понятие «силы».

Можно ли в определениях создать логическую связь «сила – насилие»? Это будет затруднительно, так как если «насилие», как отмечал Б.Г. Капустин²⁸, постоянно выводится из философского поля, маргинализируется и дискредитируется, то по отношению к концепту «сила» это имеет место еще в большей степени. В новейших

²⁴ Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М., 2010. – С. 45, 46.

²⁵ Там же. С. 47.

²⁶ Там же. С. 52, 57, 62, 64.

²⁷ См.: Борисов С.Н., Римский А.В. Культурно-исторические формы религиозного экстремизма: от традиционализма к модерну // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. №5. – С.114-123; Римский А.В. Культурно-экзистенциальные трансформации религиозного экстремизма: Диссертация... к. филос. н./09.00.14. – Белгород, 2012. – С. 21.

²⁸ Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М., 2010. – С. 51-52.

отечественных философских словарях и энциклопедиях этому концепту вообще не нашлось места.

Мы его обнаружили лишь в дореволюционном философском словаре Э.Л. Радлова и в советской пятитомной «Философской энциклопедии». Но там понимание «силы» оказалось весьма далеко от наших задач определения «насилия» через вписывание в философский категориальный ряд, так как «сила» авторами прописана по ведомству исключительно естественнонаучному²⁹. Очень близко определяли «силу» и в «диалектико-материалистическом» дискурсе³⁰. В интересующем нас аспекте можно указать только на работу Х. Хофмайстера, который достаточно последовательно попытался связать интерпретацию насилия с концептом «сила»: «Сила – это не насилие и не власть, но, в свою очередь, ни насилие, ни власть невозможно мыслить без силы... Если мы говорим о силе в основополагающем смысле, то она не представляется нам сферой являемого, напротив, мы мыслим ее как сердцевину всего сущего»³¹.

Но новое часто оказывается хорошо забытым старым. К сожалению, почему-то никто из современных авторов не обращается к четким, философски и логически выверенным определениям И.А. Ильина, которые он в начале 20-х годов дал в своей книге «О сопротивлении злу силой».

В заочной полемике с Л.Н. Толстым, его концепции непротивления, И.А. Ильин начинает с важного концептуального разделения понятий насилия и принуждения, принимая за родовое понятие «заставление». Заставление представляет собой воздействие воли на себя или другого, исходя из объекта, а также в зависимости от приложения воли может быть психологическим и физическим³². По причине того, что воля человека свободна, человек может изменять ее только сам, потому внешнее воздействие воли называется понуждением, а не принуждением. Нужда как изменяющее воздействие ограничивается только воздействием на себя и при-нужденным человек может сделать только самого себя в своей физической составляющей. В итоге выделяемые виды заставления образованы самопонуждением как психическим самозаставлением, самопринуждением – физическим самозаставлением, психическим понуждением – воздействием на волю другого, физическим понуждением и пресечением как воздействием на другого с целью совершения или не совершения действий³³.

И далее мы находим принципиальное утверждение И.А. Ильина о том, что не всякое заставление является насилием, а только то, которое ведет ко злу. Насилием признаются «... все случаи предосудительного заставления, исходящего от злой души или направляющие на зло»³⁴. В противовес этому принуждением следует считать все воздействия воли, ведущие к добру, примеры которых довольно обширны, от воспитания, до культуры и цивилизации. Потому критерий, предложенный Л.Н. Толстым, для И.А. Ильина ложен, речь не о внешнем и внутреннем, когда все внешнее есть насилие и зло, а внутреннее ненасилие и добро. Подлинным критерием является цель волевого воздействия, ее итог, к чему она ведет оппонента, к добру или злу. Отсюда возможно не только самопринуждение, но и самонасилие, когда собственная воля направлена ко злу и разрушает себя. Возможно и внешнее, то есть физическое воздействие, которое будет вести к добру и, исходя из этого, насилием не будет, а более помощью³⁵.

Еще один важный момент при анализе принуждения и его отличия от насилия у Ильина заключается в различии именно внешнего принуждения, психического и особенно физического, которое менее отлично от физического насилия. Физическое понуждение (насилие) охватывает три момента: «... физическое понуждение и пресечение об-

²⁹ Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии под ред. Э.Л. Радлова. – СПб, 1911. – С. 234.

³⁰ Ляхов И. Сила // Философская энциклопедия / гл. ред. Ф.В. Константинов. В 5 томах. – Т. 5. – М., 1970. – С. 7.

³¹ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. – СПб, 2006. – С. 34, 36.

³² Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. – М.: Русская книга, 1996. – С.51.

³³ Там же. С.53.

³⁴ Там же. С.54.

³⁵ Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. – М.: Русская книга, 1996. – С. 62.

ращается не к очевидности и любви, а действует на тело понуждаемого вопреки его согласию»³⁶. Ильин отмечает, что согласия на воздействие от злой воли получено быть не может, а потому оно производится вопреки воле. Важно же при этом то, что даже через ограничение воли в понуждении она сохраняется, само действие направлено ей во благо и на поддержание ее целостности. Насилие же наоборот, направлено на «расшатывание воли», ее повреждение и разрушение. Отрицается самооценность и автономность воли, она низводится до объекта.

Для нас важны не столько религиозно-этические принципы И.А. Ильина в определении насилия, сколько логическое разведение, когда он в итоге выделяемые *виды заставления*: 1) *самопонуждение* как психическое самозаставление; 2) *самопринуждение* – физическое самозаставление; 3) психическое *понуждение* – воздействием на волю другого; 4) физическое понуждение и *пресечение* как воздействием на другого с целью совершения или не совершения действий. И.А. Ильин, исходя из такой логики, разводит понятия «заставление», «принуждение», «пресечение» и «насилие». Но, к сожалению, у него выпадает из логического сопряжения категория «силы», часто употребляемая на интуитивно-феноменологическом уровне.

Можно подвести и предварительные итоги, которые со всей очевидностью сводятся к проблеме определения насилия как такового. Даже находясь в рамках одной культуры, одного культурно-цивилизационного пространства, различие подходов к определению насилия сводит возможность нахождения приемлемого для всех практически к нулю. Тем более невозможно достаточно четко определить общее, сравнивая понимание насилия в различных культурах и временах. Вместе с тем, наш анализ выявил, что существующие способы интерпретации насилия оставляют некий «зазор» между феноменом и понятием «насилие», что связано с тем, что концепт «насилие» не получил должной философской категоризации. С одной стороны, происходит *этизация проблемы насилия* через образование понятийной дихотомии «насилие – ненасилие», продуктивной только во взаимном определении через противопоставление; с другой – наблюдается *политизация концепта*, которая отсылает к сомнительной дилемме узурпации «свободной воли» автономного новоевропейского субъекта в результате политических действий, сопряженных с утверждением власти. При этом теряются глубинные онтологические смыслы феномена насилия, сопряженные с понятием «сила», а также затеняется его философско-антропологическое измерение.

Мы различаем «насилие» и «силу», оставляя за последней статус родового абстрактно-всеобщего понятия. Сила понимается нами как «полюс активности» (Фуко), *возможность действия или действие во всем множестве проявлений*, направленное на *сохранение субъекта, его целостности и свободы*. Насилие нами определяется, как индивидуальное или групповое *объективирующее и принуждающее воздействие на другого/других, ведущее к деструкции, нарушению автономности и целостности субъекта, вплоть до его уничтожения*.

Список литературы

1. Борисов С.Н., Римский А.В. Культурно-исторические формы религиозного экстремизма: от традиционализма к модерну // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. №5. – С.114-123.
2. Ганди М.К. Моя вера в ненасилие // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 65-66.
3. Гжегорчик А. Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 54-64.
4. Горных А.А., Дисько М.Р. Коннотация // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – С. 372-373.
5. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. – 1994. – №6. – С. 35.
6. Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 72-81.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. – М.: Русская книга, 1996.
8. Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М., 2010.
9. Кинг М.Л. Любите врагов ваших // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 66-71.

³⁶ Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. – М.: Русская книга, 1996. – С.71.

10. Кропотова Л.В. Многоаспектность лексической коннотации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 12. – №3(3). – Самара, 2010. – С. 766-772.
11. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 5-38.
12. Ляхов И. Сила // Философская энциклопедия / гл. ред. Ф.В. Константинов. В 5 томах. – Т. 5. – М., 1970. – С. 7.
13. Мельник Ю.М., Римский, В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 24-36.
14. Назаретян А.П. Историческая эволюция морали: прогресс или регресс // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 82-94.
15. Насилие // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное издание, под ред. проф. Бодуэна-де-Куртенэ. Том второй. И–О. – СПб. – М.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1905. – С. 1218.
16. Плимак Е.Г. Насилие // Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф.В. Константинов. В 5 томах. – Т. 3. – М., 1970. – С. 551.
17. Римский А.В. Культурно-экзистенциальные трансформации религиозного экстремизма: Диссертация... к. филос. н./09.00.14. – Белгород, 2012.
18. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии под ред. Э.Л. Радлова. – СПб, 1911.
19. Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. – СПб, 2006.
20. Dahl R. Modern Political Analysis. – Englwood Cliffs, 1963.
21. Weber M. The Theory of Social and Economikal Organization. – N.Y., 1947.

PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF VIOLENCE IN TERMS OF CONTEMPORARY RUSSIAN SELF-CONSCIOUSNESS: DOMINATING MEANINGS AND LATENT CONNOTATIONS

S.N. BORISOV

*Belgorod State institute
of Arts and Culture*

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

The paper discusses the issue of definition of violence in mmodern Russian self-consciousness. The author explains the dominating meanings of violence related to the Russian philosophical tradition, Western philosophy and historical context.

Key words: violence, aggression, self-consciousness, philosophy.